

Коннотация звука

Жанр произведения: Поэзия

Произведение написал автор BookBox biozhiogs

Ссылка на публикацию

Коннотация звука

«У хорошего продукта дуть нужно сильно, а хлопья обязаны получаться крупными». Статья. Дзен. Коннотация звука тревожит мой сон. Между ловкими видами суетных толп Размечается пеной пивной в унисон Этим пьющим-галдящим — и есть один жлоб, Коий должен тут всех угощать. Размечается — что? Посекундная блажь. Тот кто пьян уже вдосталь, не может стоять, Да нахрюкавшись всласть, понимающий аж, Пальцем кверху поднимет мыслю. Босс! И откроет рот в «О», и намеренно смел, Топнет ножкой уверенной, чтобы всерьез. Но тут мальчик прошел, он лишь писать хотел. Мальчик мал же совсем, года три или пять. Угощать же всех должен тот жлоб что сказал, Что для выборов голос — то пивом рыгать Будут все у него: «голос — пиво», икал Возле тут хрен собачий, мужик, И стоял, пялясь в лик мутнорожий его, Ну, того, обещал коий пива тут всем. Ик. Мальчик маму нашел, приходила чего? В забухаловку тесную пьянь-мужичьем. А того, у ней тута супруг. Тоже пьет. Из-за выборов тут и застрял насовсем. Ну а мальчик, понятно, совсем без забот. Годы то девяностые были, друзья. Уж не вспомнить всего, и назад не вернуть. Вот, за жизнь надо вместе сурово галдя, И велико, и сильно, направиться... «Дуть! Надо дуть же на пену, смотри, вот как я».

Пробуждение

Она смеялась, странно ощущая, Что взгляд его на ней, ощупал, Потом она, истерикой играя, Шутила весело над ним, упал Весь занавес спектакля шутовского. Он ей не интересен: пусть поймет. Ей в жизни хочется чего-нибудь иного. Хватает девушке без рыцарей забот. *** Покой и легкий шелест волн. В беззвучии купаясь как в дремоте, Она смотрела на залив, и вдохом полн Ее чудесный отдых: «как живете?» — Она хотела бы спросить людей, но где Игривый мальчик, что пинает мяч, А может бабочку увидев, притаен в засаде, На лоне пляжа так резвясь, а свет горяч, Ее ласкает солнце в вышине застряв. Полудень, в общем-то ей одиночество не претит. И мамы мальчика тут нет, задумчивый порыв Ее заставил оглянуться: кого здесь встретит? Но пляж таинственно широк, и одинок, И пуст, она одна тут среди скал, Песок горяч, но нежен, это впрок. Задумалась: «зачем Олег ее вчера искал?» — Забыла сразу, выше к небу взор, Там голоса почудились, слезливый Шепот, долгий вздох, невнятно слово как укор. «Да что за напасть?» — ветерок учтивый Легко по

волосам прошел. Дыханье Бога… Прыснула. Вгляделась в океан. До горизонта синева, покойна гладь немного. Легла на спину, скрыв свои глаза-капкан. «Олег… зачем… он мне зачем…», Она уж задремала, в солнцепеке. Привиделось ей смутное. Гарем. Олег там падишах, она там у Олега… на поводке. Очнулась. Пляж лежал пред океаном, Чайки стихли. «Я что, собака!? Что за чушь, приснится же». Нахмурившись Приподнялась, на руку уперевшись. И слегка Смахнула волосы со лба, всмотревшись Глубоко в пространну даль. Пред взором волны в брег крались. Ее взяла нежданная печаль. Ей стало смутно жаль Олега: «брысь», Слетело с уст тогда, он стушевался Перед ней, но сохранил достоинство, Смолчал. Сейчас себя корила. Он остался. Потом искал ее. Мужское естество. Вздохнула. В очи с дали вздрогнул свет, И распахнулся ярко, бесконечно. Она не сразу осознала, что сгорает. Мгновенье. Океан взволнован стал, поточно Мыслию объята, что мертва. Пылает. Сон отпустил совсем. Уже бессрочно. Очнулась мощно, вздохом яростным на вскрике. Сидела долго, вытирая слезы: «как это странно», Копалась в чувстве как в могилу мысль, глубóки Ее мечты на жизнь. Она пошла к прибою океана. *** Любовь, как жало сонной мухи, Неодолимый хоботок, по сердцу будто Ищет крови тесто, истоптанные муки Мохнатолапками в порывах голода, в нутро Стремится посадить личинку тайны, И тесто жидкое, ей жаждется упиться. И сны о будущем престранны, неслучайны, Когда бывает им в плоть ветхую вонзиться. И плоть сгорает в чувстве пробужденья. И разум вздрогнет, истиной свершенный. И дух востребует бессрочного хотенья: Быть верой навсегда. И смыслом томный Тот разум отвечает Богу-жизни на вопрос, Который задан был рожденья криком, Потом на голове взрастет копна волос, И спутавшись на взоре в дне великом Заставит ощутить ту тайну, мерой, Духовной мерой всепричастия к огню. Огонь тот больше солнца, раскаленный верой, И в этой вере тайну жизни — сохраню. *** Мария прикоснулась к волнам, лета зной, Утопленное в небо жгучее светило дня, И будто время встало тут нехоженой горой, Ее не обойти, а покорить? труды храня Свои на сердце как печать тревог, Заботливо свергая в чувстве постамент, А постигая только своевременный итог. Тот бесконечный и нечаянный момент Всей жизни долгой, иль не долгой, Как поймешь. Но на душе таится вера: И сердце обретает путь намеченной дорогой. Взгляд охватил по океану. Домой пора.

Труд и слезы

Земля была как сто очей, Как облако тумана грез, Планеты шар со силы всей Ушел в иллюминатор, вниз, И дюзы били в пустоту Огромной силы сверхогнем, Толкая свой снаряд в мечту, Плескался в них тревожный гром, И сотрясая ввысь ракету Рвалась та сила к звездам, чтоб Сказать пространству по секрету… Гобил

отер рукою лоб, И посмотрел опять сквозь корпус. Глаза людей на космодроме, Задравши взгляды, выше нос, Мечтали все о новом доме, Там, сквозь парсеки, экзодом. Земля была как сто очей. Он так то видел, и кругом, Смотрел, смотрел, по кораблю, По стенам, по полу, по люкам: «эй! — Прикрикнул технику, журясь, — люблю, Люблю я космос, друже». Ракета смело шла все ввысь. Адреналина дрожь по коже, И мысли о судьбе кажись. Он возбужден был, не вникал. Но думалось свободно, вольно. И техник бортовой стоял, И тоже зырил в пустоту, довольно. Планета уходила, уменьшалась. Шар. И вот уж шарик, голубой. И бусина почти. Ракета мчалась. Гобил скривил напыщенно губой, И двинувши рукой на Землю, Усмехнулся, важный: «нас ждет На звездах новый мир, люблю», И смолк, таращась без забот. «Ну, что, идем на мостик, кэп», Тнаблям утерши нос, пришмыгнув, Состряпавши на роже мину, чтоб Прикольно было. Гобил чуть отодвинув Косморабо́тника, прошел ко трапу. «Все наверх! Идем рулить и зырить звезды!» — Сказав такое кэп исчез наверх. И лупу Гла́за Тнаблям навел на виды Трапа, стен, и потолка. Шумел движок. «Ну да пошли, — пожал плечом, Его так часто приглашали выпить впрок. Чтобы набраться под завязку, под столом Он часто находил себя, уже трезвея, И новый день, и заводской гудок, Который слушал, отупело сатанея, Что неча накатить, идти работать в док Пора, елозя телом, выбираясь, И слыша про «рулить», про «звезды», Остатком памяти в котором весь шатаясь, Он зырит звезды на карнизе, годы В его сознаньи пьяном льются, льются Все бесконечным водопадом, иль То разливали водку по стаканам, чокаются, И где-то там у них еще запас, бутыль… — Я же не против зырить, кэп, айда!» Ракету сотрясло громадным треском. И сверху кэп орал, что им (беда), Но, впрочем, пол уже тут был надолго верхом. Поскольку все перевернулось. Часто В сознание Тнабляма приходил мираж. Он долго в чувство возвращался, то, Наверное опять подстолье. Страшно аж.

Разговор

Я так легко тебя люблю, Так обожаемо прельщаю Твои глаза к лицу, я утолю Желания твои: «по чашке чаю?» — Спрошу, держа в объятьях, Изнывая от чувства томного, И чуть игривого в сетях Твоей безбрежной чистоты, И красоты, и время много Дало нам в часе высоты, Но океан любви в грозе, Пучиной сердца стук — Там буря, и мысль везде, Храня поточно морок мук, Акулой из волны души… Вздыхаю нежно. Для тебя. Покой чтоб был. «Пиши», Обворожая и любя, Ты мне напомнила о главном. О том что время дня уходит. И вот вокзал, и ветер спит. — Я напишу. — Молчу с трудом. И тикают часы бессмертия Моей любви к тебе, пылаю На костре души: «люблю я!» — Таится мысленно экстаз, и знаю, Что так любить уж больше не смогу Я никого. Вот поезд. Значит, уезжаю. И оставляю на полгода лишь подругу. Но сердце бьется в грудь Симфонией прохлады

океана. — Скучать так буду… — нужно в путь. Она прижалась. Слов стена Воздвиглась к небу вечера. Я отстранился. Уж пора. И мыслей страстных осадилась пена. Махнул из тамбура, уже скучая. Колеса стукнули движеньем, Ты, взором вещим провожая, Рукой махнула, затвержением.

Камилла

Камилла деланно мечтала,Ее порывы как аккорд, Как музыка свечи, и таяла Во чувствах вся, и признак вот Попытки обуять мечту. Смахнула со щеки букашку: «Летают, ползают, кусая красоту», Подумав веско, скорчила мордашку, Наверно, в этом понимая им упрек. На небе ползало чуть видимое облако, Оно такое было: ей не впрок, Она любила в облаках мечту угадывать. «Они кипящее как будто молоко! — Пришла такая мысль, — а небо высоко!» Ну и давай мольберт тихонько складывать. Не торопясь, продумав каждый взгляд: Еще ведя как будто по холсту рукой. Деревья леса выстроились в ряд. И в глубине его немыслимый покой. Там тишина, томление, и смех. Да-да, смеется кто-то, заблудившись? Иль гуляя в лето. Прям в лето уходя, и наспех Смешливым взором в облачность, пробившись Туманной мыслию — рекою грез. Мечта была как лед, сверкающий на солнце, Прохладою манящий, послед минувших гроз, И след на коже влаги в тонком свежем глянце Оставив, растворился в чашке кофе. Она уж дома, пар из чашки сдула, нежно. Поставила на стол, уселась на софе, И предоставила картине жить: уж снежно, Природа накидала с облаков метелью снег. Как время-то стремительно несется! Вот было лето, и уже зима, тайги ночлег. Вот ночь. И в ней крадется волк. И стережется! Охотников боясь, встречался, знает. Учуешь человека, скройся в чащу… Камилла деланно задумчиво мечтает. «Такую вот Камиллу я ищу», Подумал Игорь, стружку сняв с доски. И оглядел изделие, причмокнул. Он очень долго грезит от тоски. Он взял доску и к ящику примкнул.

Сын и еж крылатый

Сын, за руку отца держа, Спросил известной прытью: — А папа, папа! Почему нет крыльев у ежа? Он весь своей подкожной плотью Ведь может вырастить сквозь иглы Аж пару крыльев, да? — и смотрит снизу вверх. Тут папа представляет полотно пилы Зачем-то, он пилит доску, скоро, наспех. Старается чтоб было ровно, впрочем. На миг отвлекся, кроха сын вот вызвал смех, За руку взял, держала рукоять пилы что. Ммм… Вот отпустил, отер со лба от пота влагу, Сказать стараясь почему еж недоразвитый такой. И трогает за нос себя усталой чуть рукой. Чуть отхлебнул из фляжки сладенькую брагу. — Чего придумал… еж… и с крыльями. — Да! Он летает так, — и пятилетний сын Повел свой хоровод

со всеми ежиками, снами Своими детскими душою полон, в тын Ограждения уперся, вновь руками водит По воздуху, и будто крылья у него. — А где колючки, сын? — и глазом бдит, К лицу подняв ту флягу, там еще немного Осталось, вот допьет, пилить займется дале. И сын тут понурился весь в печали. — Чего такое, сын? — жмет рукоять пилы, готовясь. Сын понурился, смотрит хмуро понизу. Колючек нет, бесспорный факт. Смеясь, Он вдруг подпрыгнул: «Они отпали сразу, Как только крылья отрастил мой ежик-птица!» Отец лишь хмыкнул, грея у лица Свою хмельную смесь, уж думая: «пилить пора». А сын ушел куда-то в сад, там ежик жил, Его нашел он вроде бы вчера. «Не выдергал ему бы игл, Шкет», подумал папа веско. (Жара). И шутливо, и бессмысленно-игриво. «Во флягу плеснануть еще бы виски». Подумал нежно, торопливо, живо. Но лишь потуже затянул доски тиски.

Извергнутый

Она была как свет зари, Как небо, стиснутое мраком, И тут же клич у ней внутри, И взгляд всегласым маяком, И небо сдернуто зарей, Как будто полотно сорвали. И тьма опала кутерьмой Зовущих звезд, на их печали Печать ее, всевластный зов Души, что стала сердцу вечной. И красота глубоких слов, Покой мечты, да бесконечной. И остров амазонок спит, Еще подернут негой сонной. Рассвет уже сквозь сон летит: Она прозрела, в тьме покойной, Но уж землей владеет утро, Тьма отступает, исчезая. Вокруг истома, тихо, вёдро, Она смотрела чуть моргая, Еще чуть сонно, чуть лениво. И думала не про любовь. В ее нутре красноречиво От жути стыла в жилах кровь — У дикаря, его поймали И привязали для обряда. Священно таинство, камлали, И танцевали дико рядом С несчастным обреченным. Что же, таков порядок бытия. Попался к амазонкам знойным, Прощайся уж с беспутным «я». «Зачем попал сюда, неужто Не знал иных утех для сердца? — Так думала она, царица, — муж-то Вполне пуглив», печать лица Воздвигла к солнцу, что уж видно Над морем показалось краем. Оставить жизнь ему? Обидно. Такая мысль билась воем Во всем нутре, и нет пощады В ее глубокой томной неге. И амазонки будут рады. И потянулась, в скором беге Струилась кровь младого тела. По венам, как река любви. Свой облик страстно оглядела: Сознанья блик, мгновенье яви, Что ясно столь, и тут же вечно. Привстала с ложа, поднялась, И шаг ее как сна вино, И тут же вовсе не пьянит, игралась Ощущеньем властной силы. Ремитра. На ее плечах судьба. Как ноша веская нужды ее народа. Жилы Стынут в предчувствии нечаянной беды. «Но что за мысли, прочь!» — Она насупила тревожно брови. И потянулась к небу во всю мочь. Вкусят сегодня духом, жаждой, крови. И вот они, собравшись на поляне. Пред морем синим, как и небо Глубоким, вечным, обреченный на «вулкане» Костра готового, и жизнь его как небыль. — Уже готово всё, Ремитра-солнце!

Они из золота как будто, кожа — шелк, Точеные фигуры страстных нимф, в лице У каждой красота, и тут же дикий волк, Что смотрит их глазами, рыком властен. Напасть готовый, растерзать, грызущий Этим оком сна оковы, яви камни. Стен Прорывая заточение, тюрьмы гнетущий Мрак, они народ свободный, ярый! Прикрученный к столбу пытается Превозмогать оковы пут, Трясется, взвизгивая, плачет что ли. «Я» Его на перепутье немощи и боли, суд Амазонок над мужской природой! — Еще один! — Земрида ткнула пальцем. Ремитра повернув главу смотрела в зной. На то ведут как, чтобы ставить рядом. Вой Сменил визгливость, так поганцам! Вот принял столб второй лишенца. Веревкой стянут весь, гримаса страха На молодом еще лице... но уж и нет лица. Еще минуты, будет лишь статýя праха. Камдáя, факел держит, запалить. Уж вечереет. И на факеле чадит, молчанье. «Мы их не знаем. Им не надо жить». — Сквозная мысль пронеслась, мычанье От второго донеслось. Но будто тишь. Не растревожить взоры их, рык волка На ясных ликах амазонок: «ты сгоришь», — На этих взорах весть ясна, для каждого. Чутка Усилием потуги бесполезной телодвиженье. Орущие бессилием глаза: «я обречен»... И в каждом миге времени рожденье. От первого донесся тяжкий стон. Ремитра властною рукою подняла Как будто воздух, очи к ним разверзнув. И пальцами ладони поманив, спросила: — Последнее желание, у каждого, коль жив Пока еще, пока еще не дохлый червь... Какое! Говорите! — задрав лицо и глядя Будто косо, из-под век, играя смертно со Властной страстью демоницы. Видя Через прищур свой страшный все. И грудь ее вздымалась от дыханья волка. И небо сытили громами облака, А может быть казалось то, но страсть ее Способна колебать и небеса? — Я слушаю! — моленье стад ягнят Как отголоском, отзвуком такого рыка. Живая обликом любви и смерти часа. Но вся любовь ее — кострище жертвы. Ад Сотворила для души безвинной человека. И в глубине бесовских недр сердца — хохот. Так виделось обоим на столбах. Средь тишины в губах тревожно шепот. Взгляд поднят в сторону нее, там гибель, страх. — Хочу... меня казнила чтоб... — Он задыхается от чувства смерти. — Которая прекраснее всех остальных! — «мой гроб Сожрут, да смехом закусив моим, все ада черти». И замер, стиснув рот, как будто уксус в нем. По амазонкам прокатилось эхо вздоха. А с неба будто грянул самый мощный гром. И стал лишь отзвуком задумчивого шороха Их мыслей вдруг осуетившихся. Тут огляделись. Стараясь — каждая — пронять себя. Задумчиво и важно разбрелись. Свое намеренье волчары тяжко гробя. Обоих сняли с кольев-столбов, молча. Средь них уж не было ни звука, тишь могилы. Обоих посадили в лодку, в бубен зло стуча Прогнали взглядами мужей, со всей волчиной силы.

Светлый мир

Колдующие сны бесценно долги, Хоть дрема длится миг неспешный, Над миром

небеса, и день хоть ярко вешний, Средь дали не увидеть впопыхах не зги Еще в предутренней подлунной тьме. И полусонный гул — почудится — Всей планетарной массы, планета кружится, Во всей глубокой мирозданья кутерьме. Безмерный сон, околдовав опять, Уж отпуская в явь, мечтания сдержав, И тут же будто ветер легкий став, Позволил очи распахнуть, унять Внутри нечаянную дрожь, и нега, Еще держа, осталась — весом блага. Она, прочуяв вдох, чуть потянулась Телом, стала выше звезд, и шага Своего приняв телесный вес, чуть улыбнулась, Сошла, вспорхнула с кресла, Обнявши взором и горизонт, и тени зданий, Что космопортом были, чередой свиданий Упившись духом — мысль вела На пламенную суть, что будто бы гора Вторгаясь в неба даль, громоподобно Пела дюзы песнь, и ей вполне любовно Признаваясь в чувстве дня, а значит что пора На вахту. На свиданье с вышиной. Там космос. Какой же век сейчас? Нечаянный вопрос На коий смысла ведь не видит отвечать Заблудшему у ней на волосах простору-ветру. Она шагает бодро, улыбаясь свету. Шутя стараясь бесконечно знать: С площадки стартовал тяжелый космолет. Она живет в тени деревьев, сада средь. И рядом космодром, забавно ведь... И ей сегодня в первый тренировочный полет. Идет, дыша судьбой. И в небе звезды гаснут, рассветом захлестнувшись. И станут с ней одним, душой одной, взметнувшись, По мановению руки, как будто искр рой. *** Мир окрыляет верой в самый долгий день. Шаги просты, легки, в ступени взгляд — И дверь уж стартовой площадки, тень Космоболида пала на лицо, рабочий чад: Готовят капсулу к очередному старту. Стоит, и дышит шахтой, размечая путь На мыслях трепетно-тревожных: «жуть», Себе же улыбнулась, достала карту Полетов из кармана, чтоб отметить. Зашла в реструкторский отдел, Там вентилятор томно звуком пел Простых жужжащих нот, взгляд встретить Дежурного инструктора: «Я первый раз», Задушливо чуть-чуть, как будто доверяя То самое, то тайное, что жизнь сама, и зная, Как яростен, глубок космический экстаз. Когда уже за пультом держишь трассу, Уже истошно, аж «смертельно» стартовав, И жмя штурвала вес упругий, разорвав Скопленья облаков, и повинуясь гласу Отчаянного сердца, вошла на трек пространства, Планета сзади как сдувается недетским шаром. Вернула взор к панели и экранам, рядом, Прям рядом с ней прошел метеорит. Канва Пространства-сегментации на мониторе вида. Сигнал предупреждения молчит, взгляд вдаль Пустила, ограждая эхом мыслей чувство: «Жаль, Не оседлать его, — стучало сердце, — Это навсегда!» Пронзила смехом сумрака вуаль кабины управления, Тяжелый мрак внутри от глубины космической. И только светится панель, и тишина критической Уж кажется. И крикнуть хочется. Предел терпения. *** Вот мир ее, родной. И сходит с трапа. Космоболид над ней «растет» скалой. Не обернувшись сходит, посадочная лапа «Опорою моста» вонзилась в землю. Зной.

Служитель

«Призрит меня навечно Бог, И буду я дышать духовно, И духославно, и любовно Познаю истин всех итог!» — Поведал сам себе служитель, И сверху ангел-обвинитель Не стал его тревожить всуе. А только небо клало в след Большую ногу восходящих, Одна нога — на всех, кто в сбруе, А кто в тревоге нежной, бед Не ведая своих, всех предстоящих. На небо души возбирались, Они шутить путем старались, И та смеялась, эта в плач От многих шуток не смеховных, А вовсе суетных и вздорных, От горемычных неудач. У каждой жизнь прошла как лето, И было жарко, и было спето, И страх был, и заря, и радость, А так же временами гадость. И ручеек достойных душ, Резвясь, пыхтя, сбирая мочи, Потоком стиснутых кликуш Собрались там, насмешкой ночи. И ангел что дежурил в день тот Раскрыл им спертые врата. Какая-то душа хотела анекдот Еще всем рассказать, но, глядь, зевота Ее вдруг одолела, стала чавкать Пустым ротоотверстием, от лени. Итак, Суд начался, вселенная стони: Дано им вечные пределы осознать.

Узник

Сижу за решеткой в темнице сырой. Вскормленный в неволе орел молодой, Мой грустный товарищ, махая крылом, Кровавую пищу клюет под окном, Клюет, и бросает, и смотрит в окно, Как будто со мною задумал одно. Зовет меня взглядом и криком своим И вымолвить хочет: «Давай улетим! Мы вольные птицы; пора, брат, пора! Туда, где за тучей белеет гора, Туда, где синеют морские края, Туда, где гуляем лишь ветер… да я!…» Александр Пушкин, «Узник». 1822 г. _____ _____ В орлиной душе простирается даль; То зова бессмертного, славы печаль. Надежды исполненной небом — в зарю Крылами он взмашет, и взором творю На облике птицы свободной себя: На мысли истошной сердечно губя Молитвенный стон, предвершение дня. Бессмысленно вид его взмаха храня. У самого сердца, тот образ горяч, Прижатый ладонью, неслышимый плач Подступит к гортани, терзая тоской; Орел напоследок воззрит: «кто такой?». Потопчет иссохшую землю затем. Собравшись лететь уж поди насовсем… Как будто бы молвит: «ах, помню тебя, Товарищ мой бедный, ты мрака дитя, В норе обнесенной каменьями бдишь Наружное чувство, и этим стоишь…», — Его был последний мне отклик душевный. Потом лапы дрогнули; взмах постепенный. И солнце затмил, отлетая — в свой день. Оставив несчастному призраком тень. И вот тишина, одиночество смертное. И небо ползет будто — зовом отверстое. И даль широка, глубоки думы узника. Проходят вот так, что ли, вечны века… *** Там за горой начинается день, Время великих свершений и сил. Но правда твоя, если трогаться лень В путь этот трудный, но

коий так мил. Смотрит, моргает чуть выпучив крик, В клюве застрял что, терзаясь, сумнясь, К пище опять головою поник, Вздернул, отпрянув, кроваво родясь… В чувстве своем полноправной еды, Трапезы вещей, на лоне камней. Смотрит, бросает, клюет, — «полбеды, Узник, твое заключение с ней». Будто промолвил, и снова за пир. Время надеждой небес так полнит. «С кем это, с «ней»? — что раскатами с гор Мысленный глас раздается, шумит. Вновь посмотрел. Глазом терпит всю ширь. Медленно вздрогнул крылами шурша. «С жизнью, лишенец». — И горькая горь Внутрь вошла, да ничуть не дыша. *** Сотканы грезы из дум вялой шалостью. Сны о прекрасном чудачат порой. Спишь — будто призрак покроет вуалью. И пробуждаешься — в тряс головой. Зришь по темнице взором окольным, Будто в прищуре, но зная предел. И оставаясь опять недовольным, Сядешь к решетке, — смотреть восхотел. Мир проплывает в дали́ облаками. Ветер за пылью крадется в низинах. Хватишь решетку бессильно руками… Приникнешь лицом: и смеяться не в силах. Годы пройдут, ты все алчущий узник, Рвущийся сердцем к свободе безвременной. Чудится в далях да в мареве путник: Шаг чуть усталый, но легкий и верный. Это все ты, неизменный и явственный. Ищущий в жизни над тропами небо. Ныне ж преступник ты государственный. Стал часом тем, коим вовсе и не был. *** Иль не напрасно в тенетах укрывшийся, Стиснутый сумраком каменной ниши. Тут и орел, с неба волей подкравшийся. Празднует сытость… Шуршание мыши Вскользь замечаешь расслабленно слухом. Время секундами канет и в вечность. Наедине с неоплатным грехом. Пестуя духом твердыи́м человечность. В чем же повинность твоя, где раскаянье? Силишься вникнуть, да взвесить отчаянье. Но остается на жизнь прозябание. В сумраке тухлом, с мышами живучими. Кинул орлу взор, трепещет над жертвою Клювом упругим и твердым как скалы. Ввысь горы встали перстами могучими, Будто кто землю вспорол, великанскую Силу свою угадав, но — кинжалы Пальцев застывших ввысь тянутся мертво. Или то кажется. Всюду равнины. Гор этих нет, лишь предчувствие скорбное Будто обвал, будто рвет естество Прямо снутра, в ожиданьи кончины. Сердце забьется сильнее, влекомое Чахлой надеждой, что боль неспроста. Просто ли так нам дано воздаяние, Или возмездие… Мыслей короста Давит на мозг, изымается суть. Как же себя нам понять и не просто. Нам? Снова дух тронул тающий путь Будто безумия легким носком. Там вся нога уж пошла в заблужденье. В камень стены прислонившись виском. Холод и сумрак. И дум цепененье. Вспомнился шатко родительский дом. Сад переполненный звуками счастья: Певчие птицы не зная ненастья Песней резвятся, да прячась кругом. Матери руки, что держат за плечи, И перед полем стоят, озираясь. Потом зажигают они в доме свечи. Солнце ласкательно в душу кусаясь, Смотрит когда чрез прищур с интересом. Время идет через дни томным плёсом. Детство закончилось. Образ растаял. Памяти омут забрал всплеск минутный, Став уж трясиной совсем, не водою; Тяжкий пузырь среди топи взбухал. Живость картины — остаток лишь мутный, Что и

пребудет в темнице со мною. *** Все, улетел. На каменьях лишь кости. Смачно срывал, брат, кусками манящими. Клювом стуча в эту плоть будто в гости. Пальцы остались зажато кричащими — Там на решетке моей. Взгляд, пусти. *** — Испытан ли ложью ты? Вот откровение. — Молвил сидящий. Намеренье в нем неземной чистоты. Но оком без умысла к полу смотрящий. Очнулся. Пригрезилось. «Было ль» потом? Неясная тень меж пылинками в свете Что от проломины жуткой, притом, Свет тот решетчатый, в смутном секрете Тайны всего заточения льется. К ночи луна чрез скважи́ну пробьется. Будет сиять благонравным лицом. Может шутя даже и улыбнется. Веки связав недомысленным сном. Что повторяется, как не старайся Думать размеренно в и́ных причастиях. Сердце натугой истошною бьется. Вот, уже спишь: горем лиц вылупляйся, Душу свою побуждая в пристрастиях, Дух вялым страхом по щелям уймется. Мыши. Грызут кости падали сущей. Той, что оставил орлиный желудок. То ли сблевал, то ли было то кашей: Плоть одичалая, жизни урок. Месиво страсти, затмением сытость. Сон как рукой объимает за горло. Вскинулся весь на «постели» — и пропасть Прямо к ногам, зовом праведно сперло, Или то крик, что немой как могила, Только лишь ветры листвой шелестят, Будто в той песне природной есть сила, Кою заложники мзды не хотят. В чем я повинен? Зачем эта пустошь В мыслях, размеренном шаге средь тла. Да и в упор ко стене — камень в дрожь. Или то кажется лишь. Шорох пепла Видится, теплый еще, самобытно сухой. Дождь ему в пору. Теснится толпа, Коя ту казнь шепотком лицезрела, Ей и не внять что я вовсе другой! Скрозь тьму глазницы — мои черепа́, Все, что путями лихих воплощений. Кха! Что за мысли. Им нужен покой. Или додумаюсь так до слюней, Ползая на четвереньках, рыдая. Лишившись ума, плесневеющий духом. Прочь остракизмы замшелых воззрений! Самогонение… в этом ли прелесть какая? И обращаясь ко стенам всем слухом Слышно предчувствие шороха. Суть. Лязгнет «затвор». Может лишь расстреляют. Или повесят. В чем чести величье? Выбор души — необгаженный путь, Тут же изнытое сном безразличье. Кое лишь чувства промерзшие знают. Нет, не дано мне познать свой предел. Как велико заблуждение стона! Сон или явь: над сомненьем корпел, В коем рождения час — в жизнь икона. Это не шутки: увидеть забвение. Ладно лишь смерть. Испытание тьмой. Чтобы понять сие нужно терпение. Только вот… жизнь ощущалась иной. С юности, право, мечталось и верилось. Эка печаль! Теперь уж бессмысленно. Думать о прошлом, о сущем. Пригрезилось. Снова пригрезилось. Чаянно, явственно. То что нельзя побуждать духом сникшим. И остаюсь сам с собою, привыкшим К шорохам стен, безразличью небес. Там, за решеткой. Души интерес. Свидание с образом яви безмерной. Там гордая птица довольна таверной Случайной своей, да кровавою пищей. То был только миг: единения с волей. Не знает никто в этом мире суть боли. И тут же все алчут иной сущей доли, Поскольку напитаны чувством терпения. Ибо довольно испытаны судьбами. Мир — есть клоака столпотворения. Ты понял то́

здесь, во темнице. Губами Рвя каждый вздох бессловесный и тайный. Сам себе трапеза: ворлок случайный, Наколдовавший во пропасть стремление. Но что же ты сделал? В ответ — откровение, Кое не внемлет вся мудрость степенная. Ей ли познать что такое бессмертие... В чувстве подоблачном тихой зари. Там открывается верой вселенная. А перед самым лицом тишь, безветрие. И чрез решетку бой сердца внутри. Съеден остаток души. Смыслом дня. Сверх того мочно секунду храня, Пестуешь каждую, убаюкивая. Может проспит тот момент судьбоносный, Это когда уж до плахи — шаги. Миг, каждый миг, что дитя неразумное... Вздох, каждый вздох, необычно безвкусный. Стены сии... в тяжкой ночи враги. И где-то средь них есть дыхание шумное. То просится ветер в пределы скупые. И образы мест, что оставил, родные. Навеяны томной печалью во благо. И много еще чего спрячет бумага... _____ Примечание. Данное произведение является только лишь условным «продолжением» в созвучии поданному классиком образу. Вернее, — именно что созвучием. А стихотворение Пушкина «Узник» можно рассматривать как своеобразный эпиграф, как вступление.

Во время секса она смеется

Об стих-загадку спотыкнулась мысль. И весело жужжа, легла в страницу. И охала, и прятала глаза, частицу Истины собрав во слове, иль... Хотела окатить поэта вдохновеньем? Иль будто выбивая из ковра всю пыль Для чистоты ума, со всем терпеньем Рука взяла «перо» и настучала. И было в этом что-то «квазибесовское». Научно же, то просто пыли мало. И получился стих про малое-большое. *** «Во время секса она смеется, Ну что мне делать, дружище пастор? И головой об ноги бьется, И больно мне ногам, но взор Ее летит все ввысь, и ввысь, И там она слезу потом находит. И плачет, да почти навзрыд, кажись. Я так устал, мой пастор, сводит Она меня с ума, и к слову, очень уж заводит, Она меня заводит похотЯми». Он Пожевал губами смачно, облизнулся. «Ты покажи ей лопнувший кондом», — Сказал степенно пастор, отвернулся.

Галактика

«Если на сверхсветовой пройти рядом, То можно сгустить сканер клетки...» — ученый Вдумчиво лоб почесал, кинув взглядом, И снова уйдя в перепутья, бездонный Ум биофизика сжал слово сути, поскомкал Чаянные измышления, стал будто лед, Он смотрел вдаль пространно. Другой ждал Когда мысль завершится, взять свой черед Для прознания той глубины теории. «Мы не сможем пройти рядом с «черной дырой», — Сканер клетки, затменье ума о бессмертии, Параметр сжатой во времени плазмы, сырой Та теория виделась им, беспредметно ненужной. На скачке гравитации сфотографировать клетку. И

бессмысленной вроде бы, да и изрядно сложной. Продлить жизнь человечьему странномалому «веку». *** Печальный ветер ласково трепал Распущенные волосы русалки, Смотревшей вдаль, в космический провал Пространств, и шорох ветра в волосах глушил все звуки. Сгущалась ночь, но свет тенями был еще прикрыт. Равнина будто бы спала. Ее сон вечен. Она смотрела вдаль, во глубь... пред взором ее бог стоит. И взгляд его прощальный слишком человечен. Стоять ей долго так... Ища печаль в порывах ветра, звуках тишины. Она не знает как уйти обратно, в пустоту, и только знак Молчанья на устах; и горечь... несуществующей вины. Уж все ушли. Все сотни тысяч, Что провожали Атрадис во мглу. Блестящий, сплюснутый в отскоке будто мяч Дискообразный звездолет, подобный сжатому углу Гравитореверсных проекций силы, Что потрясает мощью формы, В которой заключаются пределы Взрывоподобной пантомимы естества, углы Зависимых проекций сжатого рывка в пространство. Она стояла слишком долго, Чтобы сейчас уйти... Ее стоическое постоянство Вершило в жизни нужные пути — изменчиво и бегло. Она коснулась взглядом океана... Безбрежной дали пустоты... вселенской. И не пила, а будто бы пьяна. И ночь встречает ныне улыбкой полудетской. Он не вернется. _____ БУМЕРАНГ Как будто в бездну падала скала: Атрадис пожирал пространство; Дискообразный реплатоид, свернутая сила На пике остром бесконечного, И плавный выплеск за пределы света Этой силы, которая и в нем самом, И в спазме солнечном вселенского рассвета, Пронзающего бесконечность бликом пустоты. И гром, Гравитационный вихрь, смерч; Он будто бы скалой обрушился в глубины мрака. Он губкой впитывал пространство, сердце прячь От ощущения ползущего по нервам страха. Так открывается глубинный космос; И человеку не понять в чем соль момента, Когда от бездны отделен всего на волос... Когда несешься в эту бездну быстрее света. Их было ровно столько, чтобы выжить. Гравитореверс цепко рвал вселенной массу; Он забирал в себя течения магнитных бурь И плавно погружался в пустоту, наметив трассу. Вибрация почти в нуле; приборный щит молчит, Лишь иногда подпискнет тишине. И что-то во глуби сердечной сладостно пьянит. И липкое безмолвие в космической и вечной вышине. И страх; и яростный восторг. И не поймешь, как не желай — не испытав. Ты с бесконечностью ведешь за скорость торг? О, нет... ты просто лишь заложник своих чувств. Вибрация: чуть-чуть. Прошли гравитореверсный излом пространства. Всё. Скорость взята. Дальше — путь. За горизонт космического постоянства. *** Вонзая в мечту когти разума, Они подходили все ближе. Парсеки — за бортом; думы все — кома. Реакомпрессор их ждал в едкой жиже... Густой черноты пространства. Манил и пугал. И жевал пустоту. Жевал чувства и веру (единства). И звал — за невидимую черту. Реакомпрессор, от вспышки сверхновой. Им было нужно исследовать дно Бесконечности вакуума. Живой… Им нужен живой параметр. Но… Человечеству сотни тысячелетий. Достигнут предел выживания. Годы… Годы? Века? Триумфов. Проклятий. Им нужен

параметр жизненной правды. *** Они взяли черный провал штурмом. Дыра — и дыра. Желваки на скулах. Они не вернутся. Это стало законом. Рейд в никуда? Лишь надежда в мирах... Память первопроходцам. Лучший удел — память. Мир очнется — тень муки по лицам. Ушли, чтобы (мы) могли жить. Это сон ли? Навеяло скукой... Галактика движется плавно. Я пишу этот стих не рукой... Совершенно — нечаянно. Странно. Я пишу этот стих впечатлением Гла́за застывшего в небе. В глубине его остервенением Меркнет видение о себе. Станем ли мы больше времени? Или наше клеймо — беспутие? Бросим в землю сыщение семени. Истины взреет чутье. А истина больше секунды времени. А истина меньше чем миг промедления. Она только в слове, в задумчивом пламени. В коем согрет час рождения. И разум шагнет за просторы огромные. И разум-рентген обнаружит затмение. И реплатоид стартует. Влекомые Им — насыщают терпение. Смотрят с поверхности плато, стремительно, Смотрят еще и задумчиво, взвешенно. И реплатоид стартует. Смещенно В пространство его траекторией — истина.